Самоделова Е. А.

ОПИСАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ СВАДЬБЫ КАК ПЕРВОИСТОЧНИК НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ О РУССКОМ СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ

Рассмотрению подвергнутся письменные источники древнерусских свадеб: Архив Министерства иностранных дел (Дела о браках); «Древняя Российская вивлиофика» Н. И. Новикова[1] («розряды свадьбе», «чины свадебные» и описания княжеских и царских бракосочетаний за 1500–1648 гг.); «Домострой» (Новгородская традиция 1560-х гг., в том числе особенности среднего сословия праздновать свадьбу)[2]; «Иосифовский служебник» (1647), «Повседневных дворцовых времени государей царей и великих князей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича записок часть вторая» (1648)[3]; Г. К. Котошихин «О России в царствование Алексея Михайловича»[4].

Среди «Дел о браках» имеется «Доклад великому князю о назначениях при свадьбах князей Вельского, Шуйского и Пронского» (ок. 1534)

Второй пласт источников записи иностранцев, посещавших Московию и оставивших описания русской свадьбы. Это «Записки о московитских делах» Сигизмунда Герберштейна (был в Московии в 1516–1517 и 1526 гг.); «Книга о Московитском посольстве» Павла-Иовия Новокомского (написана в 1525 г. со слов толмача Димитрия Герасимова); «Донесение о Московии второй половины XVI века» Марко Фоскарино; «Описание России неизвестного англичанина, служившего зиму ⟨15⟩57–58 годов при Царском дворе»; «Путешествие в Московию» Рафаэля Барберини; «Начало и воз-

вышение Московии» Даниила Принца из Бухова (был в 1576 г.); «О государстве русском, или Образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем Московским)» Д. Флетчера (был в 1591 г.); «Описание путешествия в Москву посла римского императора Николая Варкоча, с 22-го июля 1593 года»; «Путешествие в Персию через Московию 1602–1603 гг.» Стефана Какаша и Георга Тектандера; «История о Великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедимитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года»; «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» Адама Олеария (был в 1633–1643 гг.); «Свадьба Отрепьева. Из записок Георга Паерле»; «Краткое повествование о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, бывших в непродолжительный период царствования нескольких государей ее, до 1610 года» Исаака Массы (был в 1601–1609 гг.); «Москва в 1612 г. (Отрывок из Записок Маскевича)»; «Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича» Юрия Крижанича (был в 1663 г.); «Путешествие по России голландца Стрюйса» (в марте 1669 г.); «О Дворе Российском при царе Алексее Михайловиче» и «Состояние России, описанное англичанином, который девять лет прожил при Дворе царя Русского (1679 года)» Самуила Коллинса; «Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии» Якова Рейтенфельса (был в 1671 г.); «Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского Леопольда к великому царю Московскому Алексию Михайловичу, в 1675 году»; «Московия, или Известия о Московии, по открытиям английских путешественников, собранным из письменных свидетельств разных очевидцев...» Джона Мильтона; «Дневник Иоанна Георга Корба во время посольства императора Леопольда 1-го в Московское государство в 1698 году и проч.»; «Состояние России при нынешнем царе. Другое и более подробное повествование о России» Джона Перри (был в 1698–1715 гг.)[6].

Очень важно то, что фиксации конкретного варианта свадебного обряда велись порой параллельно сторонним

иностранным наблюдателем и русским знатоком. Например, данные о втором браке царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной в 1671 г. имеются в «Сказаниях светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии» Якова Рейтенфельса и в летописи из «Древней российской вивлиофики» Н. И. Новикова. Сведения не взаимозаменяемы, они органично дополняют одно другое, ибо относятся к разным этапам проведения свадебного обряда.

Все источники древнерусской свадьбы по социальному типу и национальной принадлежности вступающих в брак описывают пять разновидностей бракосочетаний: 1) московских великих князей или царей с княжнами Московии; 2) иноземных королей с дочерьми московских царей; 3) князей Московского государства с русскими боярскими девушками; 4) состоятельных русских людей; 5) простонародья. Некоторые авторы подчеркивают социальный статус вступающих в брак: в отдельную главу выделена «Свадьба боярская» у Г. К. Котошихина.

По географическому признаку древнерусские свадебные описания учитывают уже сформировавшиеся к тому времени две региональные разновидности – севернорусскую (представленную Новгородчиной) и среднерусскую (в данном случае – московскую) свадьбы.

Описания свадеб подразделяются на официальные, строго выдерживающие каноническую форму и наполненные разнообразными «писцовыми клише»; произвольно написанные русскими историками и иностранцами; созданные в анекдотическом ключе иноземными бытописателями.

Пример последнего – описание свадебного обычая москвитян англичанином: «Когда царю ⟨Алексею Михайловичу⟩ наступила пора жениться, со всей страны были собраны известные красавицы и привезены к нему; одну он полюбил и дал ей платок и кольцо; она явилась пред ним в другой раз в царской одежде; но Борис ⟨Иванович Морозов⟩ велел так туго привязать корону около головы ее, что она упала в обморок. Это назвали припадком падучей болезни; отец ее, бедный и старый дворянин, после мучительной пытки был сослан в Сибирь и с горя умер на дороге, оставив свое семейство в немилости. Девушка еще теперь жива, и никто не знает за нею никаких припадков. Многие

дворяне сватались за нее; но она всем отказывает и бережет платок и кольцо. Царь назначил ей пансион, чтобы загладить обиду, нанесенную отцу ее и семейству.

Борис Иванович предложил царю Марию, дочь Ильи Даниловича... Нынешняя царица часто ходила в лес по грибы. Она была недурна собой, и ее украшали драгоценные алмазы скромности, трудолюбия и благочестия. Она была обвенчана тайно из опасения колдовства, которое здесь весьма обыкновенно при браках. Борис Иванович сватался за младшую сестру ее Анну, женился на ней и думал, что положил прочное основание своему счастию. Но Анна не совсем была довольна; ибо он был старый вдовец, она же здоровая и молодая женщина, — и так вместо детей родилась ревность, а следствием оной была плеть в палец толщины»[7]

Давший это описание Самуил Коллинс служил в России в 1659—1668 гг. лейб-медиком и, по-видимому, с медицинской точки зрения интересовался колдовством на свадьбе, считая его типичным русским явлением. Он писал в 1679 г.: «Редко проходит свадьба, особливо между значительными людьми, без порчей и колдовства. Я сам видел молодого человека, бывшего в отчаянии от того, что невесту его испортили. Призывают после сего добрых колдунов, и они расколдовывают очарование, за деньги, разумеется»[8].

Русские исследователи нового времени с недоверием относились к свидетельствам иноземцев относительно древнерусских свадеб, иногда вообще не подозревая о существовании описаний XV—XVI вв. Так, А. В. Терещенко в 1848 г. сетовал о великокняжеских свадьбах: «Кой-где говорится о них иностранными писателями не прежде XVII ст., и то с большими пропусками, неверностями и сбивчивостью. Что сказал один, то повторялось всеми, с прибавлениями или с извращением смысла. Никто из иностранцев не передал нам ни одной свадебной песни, ни одного причитанья. В сочинениях их говорится только о некоторых обрядах, и преимущественно об одних странностях, ими же вымышляемых, или осмеивавших то, что было принято и освящено обычаем и временем, не думая, что обрядные действия их страны для других не менее смешны и странны»[9].

Многие описания древнерусских свадеб иноземцами были переведены на русский язык и напечатаны лишь на рубеже XIX–XX вв. и продолжают публиковаться до сих пор. Кроме общеизвестного положения о том, что любой исторический документ проливает новый свет на общественные события, дополняет и уточняет сложившиеся представления о развитии цивилизации, свидетельства иностранцев вписывают русскую историю во всемирную. Отстраненный взгляд иноземных государственных представителей и образованнейших бытописателей помогает постичь особенности русской истории, вписать ее в мировой контекст.

Показательно, что иностранцы пытались приблизить экзотические для них особенности древнерусской свадьбы к пониманию соотечественников через библейскую символику. Характерный пример – закрытость лица невесты при венчании: «В день свадьбы ее отводят в церковь, закрыв лицо покрывалом, как это сделала Ревекка, когда узнала, что идущий издалека ей навстречу был Исаак. Так что она не может никого видеть, и никто не может видеть ее лица. Затем таким же образом ее приводят и сажают за стол, и она остается закрытой до завершения свадьбы...» [10] Другой пример – венчание Григория Отрепьева с Мариной Мнишек: «Потом они стали между двух алтарей, где обвенчал их патриарх со многими церемониями, причем наиболее то было замечательно, что первосвятитель взял жениха и невесту за руки, обвел их кругом три раза, потом взял стакан с красным вином и, выпив из него сначала сам, давал пить трижды великому князю и великой княгине; после того поставил стакан на землю пред великим князем, который растоптал его ногами. Русские говорят, что сии церемонии представляют брак Галилейский: но это слишком старо» [11].

Также иноземцы улавливали и подчеркивали родство или некоторую общность в обрядах русских и восточных народностей: «...они идут в баню, или, если не идут туда, то обливаются с головой ведром воды, так как без этого чувствуют себя оскверненными, следуя в этом евреям и туркам» [12].

Обрядовая свадебная баня описана древнерусскими летописцами и продолжала бытовать на землях прежнего Московского государства и в начале XX в. Древнерусский свадебный ритуал

носил название «*мыльня*»: «У мыльни были...», «У воды у выимки, которой воде в мыльне быть...», «А в мыльню с государем ходили и в мовниках были...

Отголоском предвенчальной бани невесты является обычай «приходить с мылами» от жениха в Московской обл.: «Биз *мылóф* – этъ нештъ свадьба? Жыних сам *мылы́* пъкупаить. *Мылы́* ани такии: грибёнъчкя, зеркальца, кусочик мыльца, пряничик, сирёшки. Жыних *мылы́* энти пирит свадьбъй присылаить, а када сам принисёть. А мы увидим и кричим: "Ой, с *мылбми* идуть, *мылбми* идуть" И в акошкъ смотрим, как жыних *мылы́* будить дарить. А щас штой-та таких мылуф нетути» [14].

Рассмотрим подробнее в хронологической последовательности этапы древнерусской свадьбы.

В Древней Руси существовало *особое время для игры свадеб*, ограниченное определенным календарным сезоном – осенне-зимним периодом; с наложением на него Рождественского и Великого постов (в посты и постные дни венчаться нельзя); исключавшее Святки, Масленицу, великие и храмовые праздники. Изредка запреты играть свадьбу и венчаться в неустановленное церковным законом и народной бытовой практикой время нарушались, что служило поводом к общественному порицанию.

Голландский географ Исаак Масса, находившийся с 1601 по 1609 г. в Москве, выражал мнение московского народа насчет неправедности свадьбы Лжедимитрия с Мариной Мнишек, включавшей въезд невесты в Москву 1 мая 1606 г. со встречей у шатров, назначение свадьбы на 2 мая и венчания 8 мая [15] Исаак Масса писал: «На другой день, в пятницу, был большой патрональный праздник св. Николая. В этот день москвитяне ни за какие блага в мире не назначили бы свадебного праздника (bruyloft); вот почему они были так оскорблены тем, что сам царь не почтил этого дня, нарушил их обычай, и они выражали друг другу свое негодование» [16].

Обычно проведение свадьбы в точном соответствии с календарной свадебной порой фиксировалось в древнерусских источниках: «Того жъ гóду, генваря въ 16 день, свадьба государя царя и великого князя Алексея Михайловича...» [17]; «И генваря в 14 день, в пятницу, наперед его государской радости за два дня,

по его государеву указу введена государыня Марья Ильична в царицыны хоромы...» [18]

Уделялось большое значение возрасту сочетающихся браком — как нормативному, так и выходящему за привычные рамки. О 12-летнем возрасте женихов и 10-летнем — невест в 1576 г. сообщается в «Начале и возвышении Московии» [19]; о венчании 9—10-летних детей и — редко — 20-летних людей в 1602—1604 гг. писали Какаш и Тектандер [20]

Во многих описаниях свадьбы, сделанных как русскими летописцами, так и иностранцами, подчеркивается воля старших и уважаемых граждан при выборе супруги и сватовстве. Если речь идет о царе, то он, как правило, просит совета у патриарха (духовника), отца и советуется с боярами; царь же подбирал князю невесту. Про царя говорится в летописи: «Лета 7156 (1648), всесильного и всеблагого, в Троице славимого Бога нашего милости и пречистой Богородицы помощию великий государь, царь и великий князь Алексий Михайлович советовал со отцем своим и богомольцем, с великим господином святейшим Иосифом, патриярхом Московским и Всея Руссии и со своими государевыми бояры, чтоб ему, государю, сочетатися законному браку...» [21]

При сообщении о простонародной свадьбе указывается на волю родителей. Австриец Адольф Лизек отмечал в 1675 г.: «Брак у русских заключается по воле родителей; а жених и невеста даже не знают друг друга, потому что девиц в Московии держат в таких укромных отделениях домов, что их никто не может видеть. Если женщина прежде брака лишилась девства, то ее заключают в монастырь для очищения грехов иноческим воздержанием» [22].

Австрийцу вторил голландский живописец и путешественник Иоанн-Георг Корб в 1698 г.: «За женихов должны ходатайствовать их матери, или какая-либо другая баба; затем, если состоится согласие родителей невесты (без соизволения с их стороны брак считался бы незаконным)... По назначении приданого родители невесты составляют, так сказать, письменный веновный договор, который заключает в себе их, или родственников невесты, поручительство в целомудрии невесты...» [23]

О роли свахи при совершении сватовства и смотрин простого народа писал С. Коллинс в 1679 г.: «Большая часть супружеств между русскими заключается через посредство постороннее, и пышности при том не бывает. Обыкновенно пять или шесть женщин, знакомых жениху, смотрят невесту; тут происходит много хитростей»[24].

Из истории Древней Руси известно *два типа выбора будущего супруга*: 1) сватовство, когда в дом к родителям невесты засылаются сваты от жениха; 2) навязывание, когда родители невесты предлагают свою дочь в невесты.

Уже в «Записках о московитских делах» Сигизмунд Герберштейн в 1516 г. сообщал о «навязывании» невесты жениху ее отцом как оригинальном способе заключения брака.

Обычай навязывать невесту зафиксирован законодательно в 1663 г. в «Русском законе» автора «Записки Юрия Крижанича о миссии в Москву 1641 г.», который два раза был в России и провел около 15 лет в качестве ссыльного в Тобольске: «**И сѣй другїй законъ рускїй есть пособливъ же: еже двичиному ⟨девкиному⟩ отцу нѣсть замѣрно ⟨не зазорно⟩ удавать своея, дочери: и обсылать да повѣщевать ⟨убеждать, склонять⟩ младенцевъ, дабы ю кїй взялъ. Сей законъ гдѣ индѣ бы былъ позоренъ, и осуженъ: али такова осуда есть неразборна ⟨неразумна⟩. Разумъ бо кажетъ: еже мужу и женѣ въ брачномъ дѣлу еднаковъ имаетъ быть законъ. Аще нѣсть позорно младенцу просить дѣвойки: за что имаетъ дѣвойкѣ быть позорно опросить младенца? А особито гдѣ не она сама чинитъ, нить говоритъ; но нея отецъ или прїятели**»[25].

Обычай *навязывать невесту*, оставаясь достаточно редким, сохранялся в XIX–XX столетиях. В 1898 г. Д. Шишлов в селе Беломут Зарайского уезда Рязанской губернии зафиксировал этот обычай, относя его к далекому прошлому и ограничивая его возрастными рамками: «В среде крестьян сохранилось предание о существовавшем когда-то крайне оригинальном способе выдавать замуж засидевшихся невест. По рассказам, родители такой девушки сажали ее в салазки и возили по улицам села, выкликая: “Эй, надолба, надолба! Кому надо надолбу?” – Домохозяин, которого имелся взрослый сын – жених, приглашал родителей надолбы (невесты) к себе в дом, где без дальних проволочек

совершалось рукобитье, богомолье и прочие формальности, и свадьба следовала иногда на другой день»[26]

В первой половине XX в. в селах Секирино и Корневое Скопинского района Рязанской губернии также сохранялся обычай *навязывать* невесту[27] Сватом выступала сестра, тетка, брат невесты, изредка – мать; она входила и обещала в приданое корову, хлеба пудов двадцать, вина 10–15 четвертей, а также одеть-обуть жениха с ног до головы (пальто, костюм, сапоги, столько-то брюк, рубашек, кальсон). Иногда под окном оказывался сват от другой невесты, который слышал о приданом и сулил уже корову с телкой и т. п.[28] Р С. Липец, согласившись с мнением местных жителей, относит периоды активизации *навязывания* невесты к Первой мировой и Великой Отечественной войнам, а причину бытования обычая именно в шахтерских селах усматривает в экономической независимости девушек[29] Однако, как показывает история, корни обычая *навязывать невесту* уходят в Древнюю Русь.

Известны синонимичные (хотя и не взаимозаменяющие) обозначения брачного праздника: *свадьба, радость* и *каша.*

«*Радость*» в Киевской Руси и затем в Московском государстве являлось терминологическим обозначением свадьбы и брачного пира. В письме Владимира Мономаха говорится: «**А сноху мою (бѧше тебѣ) послати ко мне... да быхъ обуимъ и оплакал мужа ея и оны сватбы ею пѣснии мѣс; не видѣхъ бо ею первѣе радости, ни вѣнчанья ею**»

Н. И. Новиков в «Древней Российской вивлиофике» приводит летописную запись свадьбы царя и великого князя Михаила Федоровича в 1626 г., где неоднократно народный свадебный обряд назван «радостью»: «А радость их государская была в воскресенье, февраля в 5 день»; «...указали на их царской радости»; «...и день радости нашея ныне» (речь цари при отцовском благословении); «И того дня радость была по их государскому чину, как бывало у прежних великих государей» Причем известно две редакции летописного описания этой свадьбы, и в первой (по Н. И. Новикову), помимо незначительных стилистических и орфоэпических разночтений, приведен еще один фрагмент с упоминанием «радости»: «А наперед царския радости за три дни, ввели государыню в царские хоромы и нарекли царевною»[32].

Аналогично у Н. И. Новикова имеется две редакции летописной статьи о свадьбе царя и великого князя Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской в 1648 г., и в первой содержится наибольшее число фраз с термином «радость»: «...и радость его государская была в неделю, генваря в 16 днь (так!)»; «А в чинех, на той его государской радости, по его государеву указу были...»; «А генваря в 14 день, в пятницу, наперед его государския радости за два дня...»; «...изволил своей государской радости быть генваря в 16 день, в неделю»; «...и день раодости нашея быти завтре...» (в речи царя патриарху); «Да на прежних же государских радостях бывало в то время, как государь пойдет в мыленку...»; «Да в прежних же государских радостех бывало...»; «А бояре, и окольничий... славя и благодаря Бога о государской радости...»; «И радость была всем людем: и благодарение воздав и прославя Бога о государской неизреченной радости, пойдоша во свои домы, где кто стоял»; «А в четвертый день, в среду, на прежних государских радостех бывало...»[3:] Во второй летописной редакции о царской свадьбе 1648 г. сказано: «...а своей государской радости изволил приказать быть генваря в 26 день, в с воскресенье» Почти теми же словами (очевидно, с пропуском невнимательного писца) сообщается о свадьбе царя Алексея Михайловича и Наталии Кирилловны Нарышкиной в 1671 г.: «...а своей государской радости изволил быть в 22 день, в воскресенье»[35]. Г. К. Котошихин в «О России во время царствования царя Алексея Михайловича» писал о царской свадьбе (по материалам первой, но придавая ей вид обобщения): «**А какъ у него** (царя) **будеть радость... и в томъ свадебном дѣле** (отъ кого) **учинится помѣшка, и того за его ослушание и смуту казнити смертiю**»

Приведенные письменные источники очерчивают хронологический период бытования обрядового термина «радость», употреблявшегося по 1671 г. В книге «Быт русского народа» А. В. Терещенко (1848) сообщается: «*Радость* также выражала у нас свадебное веселье и свадьбу, — и это значение было самое древнее; оно встречается в XII веке» Специальная работа по разысканию словоупотребления «радости» в обрядово-свадебном значении по письменным фиксациям XVIII–XIX вв. не проводилась, и вообще нет никаких данных на сей счет: Петр I

ориентировал дворян на западно-европейский свадебный обряд (соответственно сменилась и обрядовая лексика). Однако в XX столетии при региональном изучении крестьянской свадьбы обнаружилось, что лексема «радость» широко представлена в свадебных песнях[38] С уверенностью можно допустить, что первопечатные песенники XVIII–XIX вв. также содержат свадебные песни (с теми же сюжетами и, возможно, с некоторыми иными), включающие слово «радость» в почти забытом терминологическом смысле.

«*Каша*» скорее являлась не самостоятельным термином для определения всего свадебного обряда, но главного обрядового этапа – свадебного пира. *Угощение кашей* утверждало законность брака: не случайно свадьба князя Александра Невского зафиксирована в летописи как «каша»: «**Ожениса кн҃зь Олеѯандръ... вѣнчаса в Торопчи; тоу кашю чини, а в Новѣгородѣ дроугогую...**» В 1560-е гг. согласно предписанию «О чину свадебном» из «Домостроя» каша являлась обрядовым блюдом и занимала определенное место в структуре свадьбы: «Да друшко новобрашново рознашает ⟨кашу⟩, да пойдет ис подклета в хоромы...» и далее – «А наранье от мылни ездит друшка ко тестю да к тещи с кашею, что на подклете подносили новобрашъному...»[40] В Московии после государевой мыльни и раскрывания молодой в сеннике новобрачных кормили кашею: «А держал кашу государев большой дружка; а перед государынею кашу держала большая сваха» (1626); «А держал кашу государев больший дружка...»[41]

До венчания или до импровизированной первой брачной ночи – совершения таинства бракосочетания – жениху и невесте есть не полагалось. Это церковное предустановление зафиксировали иностранцы. Голландец Стрюйс в 1669 г. отмечал: «...жених, в сопровождении своих родных и священника, отправляется в дом невесты. Здесь вводят его в комнату, где накрыт стол, и на нем стоят три сорта различных кашаньев, к которым, однако, он не прикасается»[42]. Ему вторил С. Коллинс в 1679 г., касаясь уже послевенчального обеда: «Потом садятся за стол и сидят за ним несколько времени. Перед новобрачными находятся хлеб и соль, но они ничего не едят»[43].

В летописях зафиксированы этапы свадебного обряда: обручение, венчание, мыльня, пир, дарение и др.

В летописных фиксациях свадьбы указаны ***свадебные чины***: *свахи, дружки, тысяцкий* (*тысяцкой*), *сидячие бояре* и *сидячие боярыни*. Чины, согласно исполняемой роли, имели терминологические и смысловые разновидности: свахи и «с кикою сваха». Собрание некоторых чинов в определенном месте в конкретное время порождало обобщающие названия: «А поезд строили...», «Чины уряжали...» [44] Термин «свадебный поезд» дожил до сегодняшнего дня.

Помимо определенных свадебных чинов существовали еще «*чины без мест*», то есть приглашенные, но не исполняющие конкретно отведенной им роли лица, которые не имели права усаживаться за пиршественным столом в лучшие места. Жених приглашал: «А указал государь на своей государевой свадьбе быть всем в чинах без мест, а кто станет быть челом на кого о местах, и им быть в великом наказанье» [45]

Многие чины дублировались соответственно своему расположению по обе руки жениха и невесты или их обоих. Типичные писцовое клише – «с государеву сторону» и «с государынину сторону».

Посаженные родители садились «в отцово место» и «в материно место» около новобрачных. Соответственно у жениха имелось «государево место», а у невесты – «царицыно место».

Существовала разветвленная ритуальная терминология: «звать на место» («От отца приходил государя звать на место окольничей Борис Иванович Пушкин» [46]); «С колпаком за государем был...», «Конюшей был и около сенника ездил...» и «За государевым местом сорок соболей держал...» [47]; «Скляницу с вином нес в церковь...» [48] и др.

Во многом ритуальная терминология сводилась к описанию одного, но очень важного обрядового момента – поездки к венчанию, поэтому она касалась свадебной атрибутики и выражалась формулой: «предмет несли». Многочисленные свадебные атрибуты характеризовали бракосочетание как совершение таинства и устройство последующего пира, причем все это обставлялось продуцирующими магическими действиями, хотя и подчинялось общей церковно-христианской линии обряда.

Вот перечень свадебных атрибутов: «Государеву свечу несли...», «Фонарь несли...», «Каравай государев несли...», «Обручальные свечи нес...»[49] Указанные предметы были либо парными – для жениха и невесты, либо представлены во множестве.

Благоприятная и очистительная магия была заметна в сбережении пути жениха и невесты: «Путь государю и государыне слали от церкви к месту и от места к сеннику...» (то есть устилали коврами); «Перед государынею шел в собор и пути берег, чтоб никто не переходил...»[50]

Весь свадебный обряд (не считая довенчальных продолжительных ритуалов сватовства, смотрин, обручения и т. д.) продолжался обычно три дня: «А на государевой же свадьбе во все три дни...»[51]

На четвертый день царственных новобрачных посещал патриарх и происходил обряд дарения: «...в четвертый день после государевой свадьбы, приходил к государю святейший Иосиф Патриарх Московский и Всеа Русии со властьми, и государю царю и великому князю Алексею Михайловичу... и государыне царице и великой княгине Марье Ильичне здоровали и дарили»[52].

В простонародной среде пожелание здоровья новобрачным означало надежду породить много детей и обставлялось специальной обрядовой формулой и магической практикой: «а по выходе их церкви пономарь или дьячок... осыпает ее хмелем и желает ей таких же тучных детей, как хмель; другой сопровождает невесту в вывороченной наизнанке шубе и желает ей столько детей, сколько на шубе волосов» (1679)[53] Эта формула про хмель и обряжение в вывернутую мехом кверху шубу продолжает бытовать до сих пор. Причем образ хмеля, помимо обрядового присловья, проник в ряд свадебных песен, образовав самостоятельные песенные сюжеты.

Что касается обрядовых свадебных песен Древней Руси, то они не зафиксированы. Сохранилось лишь упоминание об их существовании и характере содержания. С. Коллинс писал в 1679 г.: «Хор молодых людей, мужчин и девушек, поет между тем эпиталаму и свадебные песни, сладострастные и бесстыдные в высшей степени»[54]. Русские летописцы отражали только обрядовую сторону торжества (с перечнем всех имен действующих

лиц или оставляя для них пропуски для последующего вписывания), полагая, очевидно, что традиционное словесное сопровождение второстепенно и известно соотечественникам — носителям фольклора.

Велика роль плети (кнута) на древнерусской свадьбе. С. Коллинс описывал в 1679 г.: «У мужа в одном сапоге находится плетка, а в другом серебряные деньги или какая-нибудь галантерейная вещица. Он приказывает жене разуть себя, и если она снимет сапог, где лежат деньги, их отдают ей, что означает для нее благополучие; но почитается несчастием, если она снимет сапог с плеткою; муж стегает ее один раз, что она и должна почитать началом всего, что будет с нею впоследствии» Этот обычай сохранялся до середины XX в.

В древнерусской свадьбе имелся ***параллелизм ритуалов*** и обрядовых действий, относящихся к жениховой и невестиной стороне. Часть параллельных ритуальных действ носит функционально одинаковые названия. Рассмотрим параллелизм на примере надевания кики на невесту и держания женихова колпака.

В ритуально-свадебном контексте термин упоминается в Московской Руси — в «Розряде свадьбе» 1526 г. и других летописных описаниях брачных церемоний за период с 1533 по 1648 г. в 13 вариативных писцовых клише: «...а колпак держати у великого князя...» (1526), «А колпак великого князя держал...» (1547), «А колпак у князь Юрья велел держати...» (1548), «А колпак государев держал...» (1554), «Колпак княжей держал...» (1555), «А колпак держати государя царя и великого князя...» (1572), «С колпаком за государем шел стольник...» (1648) и т. д. Известен и ритуал с колпаком жениха и в боярской свадьбе, которая описана в «Домострое» Сильвестра Медведева по списку 1560-х годов и относится к Новгородской земле: при устройстве постели новобрачных в сеннике — «Да туто ж устроити стол, покрыти фатою, где быти свечам и короваям в головах, да стольчик малой повыше того... да 2 мисы, одна под *колпак* или под шапку, а другая под кику» и далее — «...и тысяцкой, пришед, новобрачную вскроет, а молвит им: дай Господи вам здорово опочивати, — а свечи и короваи поставят на уготованных местех, и *колпак* и кику поставят на место»[57].

Женский аналог свадебного великокняжеского и царского головного убора — кика: в «Древней российской вивлиофике» Н. И. Новикова многократно описан специальный ритуал надевания кики. Средневековая московская свадьба интересна тем, что в ней равноправно сосуществовали параллельные ритуалы, проводившиеся порознь с женихом и невестой до венчания; в XVIII–XX веках сохранялась уже, как правило, лишь женская часть довенчального свадебного обряда, мужская же часть утрачена и представлена в лучшем случае лишь в отголосках. Такая печальная участь постигла и ритуал с колпаком жениха.

Параллелизм ритуалов можно рассматривать и под другим углом зрения — в числовом ключе: как парность событий, то есть некую количественную часть множества действий. В таком аспекте линию множественности составляют также все повторные, троекратные и повторяющиеся большее количество раз ритуалы. К ним относятся многочисленные однотипные действия: троекратные обходы дружкой свадебного поезда перед каждым выездом (за невестой, к венцу); пиршественные столы до венчания и после него; вручение подарков и благодарение за них на следующий день или возврат и т. п.

Древнерусская свадьба нашла отражение не только в письменных источниках, но и в изобразительных. А. В. Арциховский провел исследование древнерусских миниатюр на предмет соответствия их обрядам и выявил приоритет венчания над другими обрядовыми моментами: «Из церковных обрядов чаще всего изображается брак. Венцы при этом всегда имеют вид желтых тонких обручей. Над невестой венец держит женщина, а над женихом сам венчающий поп, т. е., так как это свадьбы княжеские, обычно епископ. Таких рисунков четырнадцать... В пяти случаях над невестой венец держит женщина, а над женихом мужчина в светской одежде, и у венчающих попов руки свободны... В двух случаях над невестой венец держит женщина, а над женихом венца нет... В одном случае наоборот — над женихом венец держит венчающий поп, а над невестой венца нет...»[58] Все описания касаются ритуала осенения венчающихся брачными венцами, порядок совершения которого хотя и варьировался, но являлся регламентированным.

Имеется миниатюра, отражающая венчание венценосного иноземца с дочерью московского князя: «Особая композиция изображает венчание по смешанному обряду польского короля Александра и московской княжны Елены Ивановны. Слева над Еленой держит венец православный поп, справа читает по книге католический епископ...»[59] Сюжет рисунка отображает представление о том, что женщине могли быть отданы царские почести (обычно принадлежавшие мужчине), если она исполняла представительскую роль и выступала от лица Московского государства при венчании.

Помимо брачных венцов, древнерусские миниатюры сохранили украшения, применявшиеся на свадьбе, но не игравшие ритуальной роли. А. В. Арциховский сообщал: «Для археолога-раскопщика было приятной неожиданностью найти изображения витых шейных гривен курганного типа. Это пока единственная находка курганных женских украшений в миниатюрах. Они изображаются в сценах свадеб у женихов и невест, впрочем, далеко не всегда. На шее их обычно по две или три. Среди них имеется несколько разновидностей. Чаще всего гривны жгутовые (или полужгутовые, без затылочной части решить это нельзя); от середины к концам они, как и в курганах, сужаются и вообще имеют много точных аналогий среди изучавшихся мною раскопочных гривен. Они нарисованы здесь во всех шести томах в двадцати трех миниатюрах... Интересно, что чаще всего они встречены в первом Остермановском томе, вообще наиболее архаическом по своим изображениям. Гривны эти археологам известны до XIV века включительно»[60].

Модернизацией гривен стали цаты, также украшавшие новобрачных: «От XVI века пока известны только цаты, подвесные иконные лунницы, происходящие от гривен и иногда называемые гривнами. Но те уже дутые, и поверхность их орнаментирована. 〈...〉 Цаты исконного типа в летописи тоже встречаются у невест и женихов; они легко узнаются по контуру и своему характерному орнаменту (кружочку). Они имеются в семи миниатюрах... Иногда гривны изображены гладкими. Тогда нельзя решить, что это такое: круглопроволочные гривны, встречаемые в курганах, или гладкие дутые цаты. Такие здесь в двенадцати миниатюрах... Есть еще цаты, покрытые

обычными кружочками и имеющие выступы вниз: килевидные (В 744), пальметовидный (там же), криновидный (Г 299 л). ⟨...⟩ Наконец, надо отметить ожерелья, которые исполняют роль гривен тоже на свадьбах, в восьми миниатюрах... Цвет гривен обычно желтый, можно предполагать золото, поскольку все это свадьбы княжеские и боярские»[61]

Описания древнерусской свадьбы являются первостепенным и начальным источников знаний об истоках свадебного обряда русских в его развивающейся региональной дифференциации.

ПРИМЕЧАНИЯ

Новиков Н. И. Древняя Российская вивлиофика. Мышкин, 1891. Т. 1, ч. I, II; 1896. Т. 4, ч. VII. 2-е изд.

[2] Домострой. М., 1990.

[3] Повседневных дворцовых времени государей царей и великих князей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича записок часть вторая. М., 1769.

[4] *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906.

Ок. 1534 г. Доклад великому князю о назначениях при свадьбах князей Бельского, Шуйского и Пронского // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1905. Кн. 3. Отд. IV. С. 24–25.

Библиографию трудов иностранцев и свадебные фрагменты оттуда см.: Фольклорные сокровища Московской земли. Т. 1. Обряды и обрядовый фольклор. М., 1997.

[7] *Коллинс С.* О Дворе Российском при Царе Алексее Михайловиче // Московский вестник. М., 1828. Ч. 7. Отд. 2. Смесь. С. 246–247. Отрывок из кн.: The present State of Russia, in a letter to a friend at London, written by an eminent person residing at the great Tzars Court at Mosco for the space of nine years, illustrated with many copper plates. London, 1671 (2-е изд. 1698 – An Historical account of Russia).

[8] *Коллинс С.* Состояние России, описанное англичанином, который девять лет прожил при Дворе Царя Русского (1979 года) // Русский вестник. СПб., 1841. Т. 3. № 7–9. С. 166.

Терещенко А. В. Быт русского народа: В 7 ч. СПб., 1848. Ч. 2. Свадьбы. С. 47.

[10] Там же. С. 164.

Свадьба Отрепьева. Из записок Георга Паерле / Пер. с нем. Н. Устрялов // Сын Отечества. СПб., 1831. № 44/45. Раздел III. С. 353–364. Раздел II. 21–28.

[12] Там же. С. 164.

[13] Повседневных дворцовых времени государей царей и великих князей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича записок часть вторая. М., 1769. С. 60.

[14] *Войтенко А. Ф.* Лексический атлас Московской области. М., 1991. С. 35. Карта № 140-д. Вышгород Наро-Фоминского р-на, запись 1973 г. от М. Е. Полуяновой, 72 лет.

[15] См.: *Масса Исаак.* Краткое повествование о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, бывших в непродолжительный период царствования нескольких государей ее, до 1610 года // Сказания Массы и Геркмана о смутном времени в России / Издание Археографической комиссии. СПб., 1874. С. 183–187, 190–193.

[16] Там же. С. 193.

[17] Повседневных дворцовых времени государей царей и великих князей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича записок часть вторая. М., 1769. С. 54.

[18] *Новиков Н. И.* Древняя Российская вивлиофика. Мышкин. 1891. Т. 1, ч. II. С. 177.

[19] См.: Начало и возвышение Московии. Сочинение Даниила Принца из Бухова, советника императоров Максимилиана II и Рудольфа II, и дважды бывшего чрезвычайным послом у Ивана Васильевича, великого князя Московского / Пер. с лат. И. А. Тихомирова // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1876. Кн. 4. Отд. IV. С. 62–63. Гл. «О браке».

[20] См.: *Какаш и Тектандер.* Путешествие в Персию через Московию в 1602–1603 гг. / Пер. с нем. А. Станкевича // ЧОИДР. 1896. Кн. 2. Отд. III. С. 23.

[21] *Новиков Н. И.* Древняя Российская вивлиофика. Мышкин. 1891. Т. 1, ч. II. С. 175.

[22] Сказание Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского Леопольда к великому царю Московскому Алексию Михайловичу, в 1675 году / Пер. с лат. И. Тарнава-Боричевский // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1837. № 11 (ноябрь). С. 388–389.

[23] Дневник Иоанна Георга Корба во время посольства императора Леопольда 1-го в Московское государство в 1698 г. и проч. / Пер. с лат. Б. Женева и М. Семевского // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1867. Кн. 3. Отд. IV. С. 289.

[24] *Коллинс С.* Состояние России, описанное англичанином, который девять лет прожил при Дворе Царя Русского (1979 года) // Русский вестник. СПб., 1841. Т. 3. № 7–9. С. 165.

[5] Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича. Открыл и издал П. Бессонов: В 2 ч. М., 1860. Ч. 2. С. 97–98; об авторе см. Записка Юрия Крижанича о миссии в Москву 1641 г. М., 1901.

Российский этнографический музей (РЭМ). Фонд кн. Тенишева. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 1729. Л. 6. *Шишлов Д. С.* Белоомут Зарайского у. Рязанской губ. Свадьба. 11 дек. 1898 г. Машинопись.

[27] См.: *Гилярова Н. Н.* Музыкальный фольклор Рязанской области / Рязанский этнографический вестник. 1992. С. 92; Институт этнологии антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (ИЭА). Научный архив. Ф. 1379. Т. IV. Л. 14. *Липец Р. С.* Свадебный обряд в с. Корневом Скопинского р-на. Машинопись. 1949; Документальный фильм «Свадьба»: В 2 ч. Ч. 1. Секиринская свадьба / Под ред. Н. Н. Гиляровой. М.: Артель. Рубрика «Мировая деревня». Расшифровка текста наша. – *Е. С.*

[28] См.: ИЭА. Научный архив. Ф. 1379. Т. IV. Л. 14. *Липец Р. С.* Свадебный обряд в с. Корневом Скопинского р-на. Машинопись. 1949.

[29] Там же.

См.: Материалы для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 268 – под «сватьба=свадьба».

[31] *Новиков Н. И.* Древняя российская вивлиофика. Мышкин, 1896. Т. 4, ч. VII. С. 71, 72, 73.

[32] Там же. Т. 1, ч. I. С. 1.

[33] Там же. Т. 1, ч. II. С. 175, 176, 177, 179, 180, 197, 198, 202, 203.

[34] Там же. Т. 4, ч. VII. С. 91.

[35] Там же. С. 93.

Цит. по: Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императ. АН. СПб., 1847. Т. IV. С. 4 – под «радость».

[37] *Терещенко А. В.* Быт русского народа: В 7 ч. СПб., 1848. Ч. 2. Свадьбы. С. 33.

[38] См. об этом: *Самоделова Е. А.* Рязанская свадьба: исследование обрядового фольклора / Рязанский этнографический вестник. 1993. С. 241–242.

[39] Материалы для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 1201 – под «каша».

[40] Домострой. М., 1990. С. 103, 104.

[41] *Новиков Н. И.* Древняя Российская вивлиофика. Мышкин. 1896. Т. 4, ч. VII. С. 89; 1891. Т. 1, ч. I, II. С. 197.

[42] Путешествие по России голландца Стрюйса // Русский архив. М., 1880. Кн. 1. С. 43.

Коллинс С. Состояние России, описанное англичанином, который девять лет прожил при Дворе Царя Русского (1679 года) // Русский вестник. СПб., 1841. Т. 3. № 7–9. С. 165.

[44] Повседневных дворцовых времени государей царей и великих князей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича записок часть вторая. М., 1769. С. 56.

[45] Там же. С. 62.

[46] Там же. С. 56.

[47] Там же. С. 57.

[48] Там же. С. 58.

[9] Там же. С. 59–60.

[50] Там же. С. 59–60.

[51] Там же. С. 61–62.

[52] Там же. С. 62.

Коллинс С. Состояние России, описанное англичанином, который девять лет прожил при Дворе Царя Русского (1979 года) // Русский вестник. СПб., 1841. Т. 3. № 7–9. С. 165.

[54] Там же.

[55] Там же.

Новиков Н. И. Древняя российская вивлиофика. Мышкин, 1896. Т. 4, ч. VII. С. 9, 19, 22, 39, 47, 53, ср. с. 11, 32, 50, 60, 70, 78; 1891. Т. 1, ч. II. С. 186.

[57] Домострой / Сост., вступ. ст., пер. и коммент. В. В. Колесова. М., 1990. С. 93, 97.

[58] *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 134.

[59] Там же. С. 134.

[60] Там же. С. 102.

[61] Там же. С. 102.